

НОВАЯ ВЕРСИЯ

Жан-Луи Тьеро

Штауффенберг

Герой операции
«Валькирия»

Новая версия (Этерна)

Жан-Луи Тьеро

**Штауффенберг. Герой
операции «Валькирия»**

«Этерна»

2009

Тьеро Ж.

Штауффенберг. Герой операции «Валькирия» / Ж. Тьеро — «Этерна», 2009 — (Новая версия (Этерна))

Сегодня Штауффенберг представляется рыцарем на белом коне, выделяющимся на фоне немецкой армии, скомпрометированной преступным режимом и даже ставшей его сообщницей. Подобно героям греческой истории, жертвовавшим своей жизнью ради демократии, Штауффенберг остается в нашей памяти убийцей тирана, тем, кто 20 июля 1944 года хотел избавить свою страну от злого гения, приведшего ее к поражению. Но кем же на самом деле был полковник Шенк фон Штауффенберг? Используя устные свидетельства и неизданные архивные материалы, Жан-Луи Тьеро восстановил жизненный путь этого аристократа, католика, воина и патриота до мозга костей. Он показывает, как непредвиденное и не принятое поражение 1918 года поколебало его убеждения и привело к тому, что он увидел в национал-социализме едва ли не спасительное лекарство. Главное – автор восстановил достаточно точно этапы, которые привели Штауффенберга от разочарования к оппозиции нацизму, от соблазна уйти в себя к вступлению душой и телом в заговоры, направленные на физическое устранение Гитлера, от организации покушения 20 июля к христианскому восприятию самопожертвования ради гипотетического спасения своих соплеменников. С точностью историка и пламенностью адвоката Жан-Луи Тьеро оживляет в этой книге личность, внесенную в пантеон истории Второй мировой войны. Подробности жизни, которых вы еще не знали! Настоящая правда о герое операции «Валькирия»!»!

© Тъерио Ж., 2009

© Этерна, 2009

Содержание

Пролог	8
Юность, прошедшая в лучах света и в тени	10
Обещания на заре жизни	12
Год 1914-й: и распахнулись врата ада	16
Красная опасность	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жан-Луи Тьеро

Штауффенберг. Герой операции «Валькирия»

Jean-Louis Thiériot. Stauffenberg

Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги,)

Перевод осуществлен по изданию: Jean-Louis Thiériot. Stauffenberg. Perrin, Paris, 2009

© Perrin, 2009

© В. В. Егоров, перевод на русский язык, 2011

© Палимпсест, 2011

© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2011

* * *

Клемантине Тассен

«Spiritus ubi Vult spirat»

«Провидение творит то, что хочет»

Нашим младшим командирам и солдатам, павшим в боях в Афганистане в августе 2008 года, во время написания этой книги:

старшине Себастьяну Девезд, 8-й ПМП,

сержанту Дамьяну Бюши, 8-й ПМП,

сержанту Николя Грегори, 8-й ПМП,

сержанту Родольфу Пенону, 2-й ПМП,

капралу Меламу Баума, ТМП,

капралу Кевиеву Шассену, 8-й ПМП,

капралу Дамьяну Гайе, 8-й ПМП,

капралу Жюдьеву Ле Паону, 8-й ПМП,

капралу Антонию Ривьер, 8-й ПМП,

капралу Алексису Таани, 8-й ПМП

«Я прибыл сюда не для того, чтобы говорить о поражении, потому что я узнал о силе немецкого народа, о его добродетелях, его отваге и мне безразличен мундир и даже идея, которая владела умами тех солдат, что шли на смерть таким большим числом. Они были смелыми людьми. Они добровольно жертвовали своими жизнями. За неправоное дело, но их поступок не имел к этому никакого отношения.

Они любили свою родину» Франсуа Миттеран, речь в Берлине 8 мая 1995 года

«В Германии существовала оппозиция, объединявшая самых великих и самых благородных людей, которые были когда-либо сотворены историей народов. Эти люди боролись, не имея помощи внутри страны и помощи извне. Их мучили угрызения совести.

*Их поступки и их самопожертвование стали основой возрождения
Германии»*
Уинстон Черчилль

Пролог

Здесь кроется какая-то тайна. Из всех выступивших против Гитлера немцев Штауффенберга во Франции знают менее всего¹. Хотя именно он и совершил самый решительный поступок, был единственным, кто едва не убил Гитлера 20 июля 1944 года, единственным, кто организовал серьезный заговор против национал-социалистической системы, единственным, кто выступил одновременно и мозгом, и разящей рукой заговора, единственным, кто мог бы изменить ход войны. Так почему же тогда о нем все молчат? Потому что он не вызывает симпатии сразу же. Консерватор, аристократ, военный, христианин, женоненавистник, Клаус фон Штауффенберг был не из того теста, из которого его век так любил лепить своих героев. Он не обладал ангельским очарованием Софии Шоль – и ее товарищей из «Белой розы», – расстрелянной накануне ее двадцать первого дня рождения за распространение листовок в Мюнхенском университете. Он не был и пролетарием, как Георг Эльзер, скромный столяр из Штутгарта, в одиночку взорвавший бомбу в пивном кабаке нацистов «Бюргербройкеллер» в Мюнхене. Он не имеет ничего общего с силами прогресса из «Красной капеллы», умудрившимися создать антинацистское движение с помощью Советского Союза. Короче говоря, он вовсе не походит на общепринятый образ участника Сопrotивления.

Однако же его жизнь была очень увлекательной. Она сопряжена с трагедиями века, его ужасными и светлыми периодами. Родившийся в 1907 году, он был еще подростком, когда рухнула Германская империя. Его юность прошла в обстановке конца света, мук поражения, версальского диктата, Веймарской республики, в страхе перед революцией и в тревоге нового порядка. Для юноши его положения, воспитанного в военно-монархических традициях, это означало двигаться в неизвестном направлении через страну отчаяния. И тогда он сбежал от этого, окунулся с головой в мечты, в литературу, в романтизм, в поэзию. В том возрасте, когда молодые люди выбирают себе учителей, он нашел для себя волшебника в лице великого поэта-символиста Штефана Георга. И будущий офицер выковал для себя оружие защиты, держа в руке перо. В отличие от большинства своих приятелей, которые любили вино, охоту и котильон, он ценил больше всего книги и мыслителей. Будучи уверен в том, что герои книг и просто герои отлиты из одного металла, он в 1927 году поступил на службу в армию. Эта двусмысленность осталась с ним навсегда. Блестящий военный, хорошо разбирающийся в тактике, выделяющийся в лучшую сторону в ходе штабных учений, он продолжал дружить с музой. Ему не нравились низменные развлечения эскадрона, лейтенантские гулянки, демонстрация грубой силы. Те, кто ожидал увидеть в нем рейтара, находили поэта. В этом проявлялся его характер. А также его двусмысленность.

Испытывая тоску по прошлым временам, терзаясь страхом перед красными, он совершенно не замечал всей опасности национал-социализма. С едва прикрытым удовлетворением он приветствовал приход к власти Гитлера. Не будучи убежденным нацистом, он видел в них знак возрождения немецкой нации, возможность отмены Версальского мира, восстановление армии, обретение гордости за страну. Прозорливостью он не отличался. Как и весь немецкий народ, он поддался на соблазнительные обещания фюрера. Будучи по натуре прежде всего эстетом, он видел красоту храмов света и не слышал при этом звона разбитых витрин в «Хрустальную ночь». В этом его судьба очень показательна. Он разделит всеобщее восхищение общества, хотя и цивилизованного, теми «демоническими силами», которые Гете давно уже обнаружил в «немецкой душе».

Началась война, появился энтузиазм, счастье оттого, что Польша пала за три недели, а Франция – за пять. Но с этим пришли и первые сомнения, быстро переросшие в уверенность.

¹ Кроме одной биографии, опубликованной в 1966 году (Иоахим Крамарц *«Жизнь и смерть офицера. Штауффенберг»*).

Он узнал о жестокости на Востоке, о концентрационных лагерях, о холокосте. И все колебания исчезли. Он участвует в несправедливой войне, значит, он должен поспособствовать ее прекращению. У него начались муки осознания. Он был поражен в самое слабое место: была задета его честь. Как и все офицеры, он принял присягу на личную верность фюреру. Выступить против него означало нарушить присягу. Для того чтобы перейти духовный Рубикон, избавивший его от обязанности повиноваться, ему пришлось приложить все силы своего интеллекта, опереться на религию, поскольку католицизм допускал убийство тиранов. Начиная с 1942 года он стал участником Сопротивления, хотя военное положение страны было еще далеко не отчаянным. Совместно с потомственными офицерами, которые были в оппозиции к Гитлеру – таких было намного больше, чем принято считать, – совместно с политиками консервативного или прогрессивного толка, он готов был пойти на любые варианты, чтобы свергнуть деспота. После ранения, полученного на фронте в Тунисе, это стало его единственным навязчивым желанием. Он стал мыслить как политик, а действовать – как военный. Всеми фибрами своей души выступая за консерватизм, он оказался одним из немногих, кто поддерживал связи с социалистами и синдикалистами. Встал выше кастовых предрассудков и умело организовал невероятный заговор, используя приказы Гитлера, чтобы в назначенный день повернуть их против тирана. Он стал стержнем знаменитого плана «Валькирия». Но в решающий час его товарищи по заговору постоянно находили веские основания для того, чтобы отложить покушение. И в июле 1944 года он решил произвести его лично. 20 июля он сделал это своими руками.

Его судьба заслуживает внимания. Это вовсе не противник фашизма с первых его дней, но этот цельный человек – упорный враг его. Его жизненный путь был извилистым, полным колебаний, противоречивым. И от этого он стал тем более интересным, поскольку пролегал параллельно с путем Германии. В 1942 году, когда Штауффенберг понял глубоко преступный характер режима, которому служил, их пути разошлись, и он пошел своей дорогой.

Давайте же совершим с ним путешествие, которое началось в Штутгарте, в тихих замках маленьких дворов Германской империи, продолжилось в бурные годы между двумя мировыми войнами и закончилось вечером 20 июля 1944 года под пулями расстрельной команды после полного волнений и неожиданных поворотов событий дня. Дня, когда оставалось совсем немного, чтобы Гитлер был убит, а нацизм уничтожен.

Юность, прошедшая в лучах света и в тени

Париж, 20 июля 1944 года, отель «Рафаэль», столовая офицеров оккупационных войск неподалеку от Елисейских Полей, около полуночи. В большом синем салоне ярко горят огни. Шампанское течет рекой. Все чокаются. Бокалы звенят от соприкосновения друг с другом. Официанты снуют из погребка и обратно. В едином порыве штаб группировки вермахта² в Париже отмечает странную победу – гибель фюрера и, естественно, окончание войны. Те, что пьяны более других, приняв стойку «смирно» и застегнув воротнички мундиров, шелкают каблуками и поднимают бокалы «за смерть свиньи».

Небывалая сцена! Несколькими часами раньше главнокомандующий войсками во Франции генерал Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель взял на себя смелость подчиниться указаниям одного хмурого полковника из Берлина, графа Клауса Шенка фон Штауффенберга. Примерно в 14 часов он собрал офицеров своего штаба в отеле «Мажестик» и объявил им о смерти Адольфа Гитлера и о незамедлительном приведении в действие плана «Валькирия», предусматривающего захват всей полноты власти армией, отстранение от дел государственной администрации и партии.

Конкретно предусматривалось арестовать членов СС и СД³, самых фанатичных нацистов.

Штюльпнагель отдал приказ собрать в Булонском лесу ударные силы, несколько подразделений десантников и хорошо вооруженной мотопехоты под командованием надежных офицеров. Поздно вечером эти войска бесшумно рассредоточились по французской столице. Никто ничего не заподозрил. В 23 часа началась операция. Телефонная связь СС и СД была прервана. Их внезапно обезоружили в казармах неподалеку от Триумфальной арки и на квартирах. Около 1200 человек сдались, не оказав никакого сопротивления. Люди в зелено-серых мундирах нейтрализовали подразделения в черной униформе, а их руководители были арестованы. Командующего группировкой обергруппенфюрера СС Оберга взяли под арест. Руководителя СД полковника Кношена застрелили в особняке на улице Фош, найдя его, довольно пьяного, в публичном доме, который он так любил посещать.

В Военном училище генерал Ганс фон Боинбург уже назначил расстрельные команды. Двор посыпали песком, чтобы кровь расстрелянных ночью нацистов лучше впитывалась. В течение всего дня юристы штаба поспешно составляли обвинительные заключения против людей Гиммлера⁴ в Париже. Их обвиняли во всем: в депортации евреев, в подрывах синагог, в злоупотреблениях полномочиями и в коррупции. Мотив не имел значения. Надо было дать палачам узнать цену пролитой ими крови. Для проформы военные трибуналы выносили приговоры, которые приводились в исполнение незамедлительно.

² Вермахт, германскую армию, наследницу рейхсвера времен Веймарской республики и императорской армии, следует отличать от СС, состоявшей в большинстве своем из нацистов-фанатиков. Долгое время было принято противопоставлять вермахт, который якобы действовал по правилам войны, и войска СС с их вспомогательными формированиями, на которые списывались все преступления. Якобы вермахт, возглавлявшийся офицерами, пропитанными аристократической и христианской культурой, не был замешан в кровавых ужасах режима. Хотя эта версия и не совсем ошибочна, реальность более серьезна. Вермахт тоже повинен в ряде преступлений фашизма. С некоторых пор немецкая историография и общественное мнение стали относиться к этому намного критичнее. Однако было установлено, что в 1944 году в Париже, имея во главе таких людей, как генерал фон Штюльпнагель, подполковник фон Линштов, Эрнст Юнгер или Цезарь фон Хофакер, войска придерживались антинацистских взглядов, выражали явный консерватизм и были полны желания любой ценой заключить мир с Западом до наступления полной катастрофы и вторжения в страну советских войск. См.: Август фон Кагенек *«Испытание совестью»*, 1996, *«Преступления вермахта»*, 2004 (указатель и каталог).

³ *«Зихерхейтсдинст»*: служба безопасности рейха, политическая полиция СС.

⁴ Рейхсфюрер СС, руководитель СС всего рейха.

Переворот прошел без осложнений. Вермахт, эта старая Германия, гордящаяся своими титулами и традициями, мог быть доволен тем, что совершил. Армия снова взяла власть в свои руки. Эти выскочки из СС, эти палачи из гестапо наконец-то оказались под арестом. Под лепниной отеля «Рафаэль» армия могла шумно праздновать свой успех.

Внезапно из радиоприемника, передававшего несколько часов подряд военные марши, донесся чей-то голос. Этот голос объявил, что фюрер намерен обратиться к немецкому народу. Оцепенение. Недоверие. Тишина. Застыв, присутствующие услышали, как этот хорошо всем знакомый голос объявил, что некая клика «глупых, честолюбивых, преступных и бессовестных офицеров» попыталась убить его в его Ставке в Восточной Пруссии и что он остался цел благодаря Богу. Они услышали, как он провозгласил о том, что «будут беспощадно уничтожены преступные элементы», которые подняли на него руку. Для присутствующих это было роковым ударом. Именно их жизни потребовал этот восставший из ада голос. Маленький австрийский капрал⁵ снова победил.

Прошло время путчистов, началось время мучеников. Основным механизмом этого молниеносного переворота был Штауффенберг, человек, к роли повстанца никоим образом не стремившийся, скорее наоборот.

⁵ Гитлер родился в австрийском городке Браунау, что неподалеку от города Линц. Немецкое гражданство он принял много позже.

Обещания на заре жизни

Над его колыбелькой собрались все добрые феи. Родившемуся 15 ноября 1907 года в Штутгарте Клаусу Филиппу Марии Шенку, графу фон Штауффенберг, казалось, суждено было стать одним из счастливейших людей на земле.

Штауффенберги происходили из семейства потомственных дворян Швабии, род которых уходил корнями в XIII век, когда на территории между Дунаем и долиной Неккара их предок стал чем-то вроде *министериалесом*⁶ при дворе графа Цоллерна, бывшего в те времена могущественным правителем Франконии. С годами богатство и знатность семейства возросли. В 1698 году император Леопольд I сделал их баронами. Одна из ветвей семейства получила в 1791 году графский титул. Они принимали активное участие в написании истории края. Решительно встав в ряды католиков в ходе Реформации, они занимали самые высокие церковные посты в епископствах Аусбурга или Вюрсбурга. Один из представителей семейства был даже князем – епископом Мюнстерским. Другие часто оказывали ценные услуги королю Баварскому и герцогу Вюртембергскому, ставшему королем после распада Священной империи. В период между 1867 и 1871 годами Штауффенберги заседали в ландтаге Мюнхена. Кстати, именно Людовик II возвел в 1874 году прадеда Клауса в ранг графа Баварского.

В конце XIX века семейство перебралось в Штутгарт. Было вполне естественным то, что граф Альфред, отец Клауса, поступил на службу к королю Вюртембергскому Вильгельму II⁷. Он начал свою ничем не выделяющуюся карьеру в 1-м уланском полку. В 1880 году он стал лейтенантом, в 1897 году – капитаном, в 1900 году был назначен командиром эскадрона. Его талант заключался в том, что он был непреклонен, отличался слепым чувством долга, строгим уважением к обычаям и педантичностью при исполнении своих обязанностей. В том же году его назначили королевским камергером и обер-шталмейстером, а в 1908 году он стал обергофмейстером. Король ценил его именно за то, что он не был придворным. Практичный, придирчивый, конкретный, экономный, взрывной и нетерпеливый, он твердой рукой руководил жизнью придворных институтов. Он твердо стоял на своем в ходе торгов с барышниками, стремившимися всучить для королевских конюшен второразрядных лошадей. Он присматривал за всем. Но когда дело не касалось его служебных обязанностей, он проявлял простоту натуры. Он обожал что-то мастерить, украшать комнаты коврами, проводить электричество, копаться в саду, подрезать розы или болтать с фермерами из Лаутлингена.

Лаутлинген был прибежищем отшельника, его малой родиной, его *хайматом*⁸. Это поместье, расположенное в нескольких десятках километров от Штутгарта в глубине Эхтала, не очень далеко от озера Констанц и дунайских источников, было очаровательным. Замок выделялся светлым пятном посреди деревушки с населением в несколько сотен душ. Не имевший ничего гигантского, этот замок с тридцатью комнатами на трех этажах был сооружен между 1842 и 1846 годами и представлял собой здание со строгими линиями, подчеркнутыми только угловыми камнями и антаблементами из темного песчаника, и украшенное лестницей в итальянском стиле, спускавшейся в парк. Подлинное очарование заключалось не в самом доме, бывшем в совокупности довольно обычным, а в комплексе всего имения с его вспомогательными постройками XVII века, с его водяной мельницей, с его отделанными рустиком конюшнями и с его крепостной стеной с башнями, оставшимися от древнего феодального замка. В имение входили две фермы площадью 150 гектаров. Это было одновременно и мало и много.

⁶ Управляющий дворцом в средневековой Германии.

⁷ Не надо путать его с Вильгельмом II, королем Прусским и германским императором, который правил в те же года.

⁸ Будучи основным элементом германской культуры, *хаймат* отличался от понятия *фатерланд*. Первый означает малую родину, деревню, регион, который близок человеку, а второе понятие означает родину в традиционном смысле слова.

Достаточно для того, чтобы жить в честном достатке, но недостаточно, чтобы можно было позволить себе большие изыски. Этого вполне хватало для того, чтобы обладать такими бесценными дарами, как свобода и независимость. Жалованье и доходы от сдачи земли в аренду не были главной целью Альфреда.

Его жена Каролина, урожденная Юкскюль-Гилленбанд, была полной противоположностью мужу. Он стоял на земле, а она была устремлена к звездам. Женились они не по любви. Ему было около 45 лет, и он уже подумывал о покое. Ей было 29, и она знала, что затянувшееся ожидание прекрасного принца могло обернуться одиночеством. Он желал взять в жены женщину своего круга. Она тоже не хотела нарушать традиции. Оба они хотели иметь детей. И в марте 1904 года они поженились. Он сожалел о том, что она была протестанткой, но это не имело большого значения. Она была из очень знатной семьи. Ее отец был подполковником австро-венгерской кавалерии. По материнской линии она была прямым потомком фельдмаршала фон Гнейсенау, ставшим наряду с Шарнхорстом и Блюхером организатором военного выступления Пруссии против Наполеона.

Несмотря на то что все в семье было, казалось, как надо, реальность была несколько иной. Каролина не была обычной женщиной. Добропорядочная немецкая жена в те времена должна была подчиняться правилу четырех «К»: *Kinder, Kaiser, Küche, Kirche*, то есть дети, император, кухня, церковь. Однако обыденная жизнь была ей совершенно чуждой. Она любила музыку, литературу, искусство, красоту, которые заставляли отступить повседневные тяготы. Она поддерживала переписку с поэтами, принимала у себя музыкантов, организовывала свои вечера. Материнские заботы она переложила на других. Кухня для нее заключалась в подчеркивании карандашом блюда в меню. К тому же чаще всего это делала гувернантка. Она любила разговаривать с детьми, наставлять их, ласкать, но всем остальным занималась кормилица. Она была ветреной, смешливой, беззаботной и искренней. По портрету юных лет ее можно было принять за англичанку дорафаэлевских времен, настолько она казалась тонкой, с устремленным в бесконечность взором, со строптивой и ироничной улыбкой, словно она была полностью оторвана от превратностей судьбы. Однако она вовсе не была законченной эгоисткой. Современники единодушно отмечали ее психологическое чутье, ее такт и умение владеть собой. Она вскоре стала подружкой королевы Шарлотты, супруги старого короля Вильгельма. Каролина была полностью ей предана. Для того чтобы доставить удовольствие своей королеве, она стала ездить верхом, хотя до смерти боялась лошадей.

Удивительно, но эта семейная пара, казавшаяся вначале столь неудачно подобранной, жила очень счастливо. При дворе Штутгарта все восхищались удачным сочетанием в семейной упряжке в стиле барокко нежной Каролины *Дули, Ду Либе* (любимой) для близких и тупицы Альфреда, *Громыхали*, – поскольку изысканными манерами он не отличался. В течение года они проживали в просторном служебном помещении старого замка Штутгарта *Альтер Шлосс* в нескольких шагах от королевского дворца *Ноейс Шлосс* и дворца Вильгельма, где служил Альфред. Хотя жилище и было престижным, но там не было тепла и, главное, света. Каролина очень не нравилось это почти средневековое здание, стены которого выделяли селитру, но она не показывала вида.

15 марта 1905 года на свет появились близнецы Александр и Бертольд. Родители были без ума от счастья. Каролина поваялась записывать чуть ли не ежедневно развитие своих детей, и это продолжалось до самого 1922 года. Она очень скоро уловила различия в их характерах. Бертольд казался более застенчивым и в то же время более решительным. Однажды она записала: «В его очаровательных глазах такое глубокое выражение, что задаешься вопросом, что происходит у него в голове, и это наполняет невероятным страхом». Была ли предчувствием тревога матери, или же это просто совпадение? Этого не знает никто.

Во всяком случае, горе вскоре коснулось своим крылом этого семейства, которое, казалось, было благословлено богами. 15 ноября 1907 года у графини фон Штауффенберг случи-

лись преждевременные роды на восьмом месяце беременности. Снова оказалась двойня. Первый мальчик, Клаус Филипп был крепким здоровым бутузом. Именно ему суждено было войти в историю как «человеку 20 июля». Второй, Конрад-Мария, прожил всего один день. Родители были убиты горем. Для Клауса эта смерть стала чем-то вроде морального надлома, как только он смог это осознать. Ему не доставало брата, которого он так и не узнал. Это сблизило его с Бертольдом, который с 1909 года взял младшего брата под свое крыло. Но дружба со старшим братом не могла заменить отсутствие близнеца. Его это постоянно тяготило. Всякий раз, оказываясь перед распятым, он молился за упокой души Конрада-Марии. В 1912 году, во время отдыха в Лаутлингене, его мать записала в дневник, что сын каждый день собирал цветы и почтительно клал их перед фотографией новорожденного. В 1914 году, когда он неудачно упал, на слова родителей о том, что у него есть ангел-хранитель, он сразу же ответил: «Я его знаю – это мой младший братик».

Каролина была любящей матерью. Каждый день, несмотря на светские обязательства и вопреки принятым тогда обычаям, она по нескольку часов проводила с детьми. Она рассказывала им истории на немецком, французском или английском языках. Лишь для поэзии она делала исключение: стихи читались только на немецком. В четыре года они наизусть знали «Лорелей» Гейне или «Король Ольхи» Гете. Их завораживали звучность и ритмика языка. В 1912 году она пришла в восторг, услышав, как ее сыновья бойко выговаривали балладу о всаднике с ребенком: «Кто этот всадник...»⁹. Она также рада была распахнуть перед ними двери германских рапсодий.

Семейство жило в полной гармонии. Мальчиков объединяло взаимное понимание. «Когда я отчитываю одного из мальчиков, – записала их мать, – и ему становится грустно, другие чувствуют себя потрясенными и бросаются ко мне на шею с мольбами: "Дули, утешьте его, утешьте же его, он так несчастен"». Самым послушным был Александр, самым умным – Бертольд с удивительной для его лет находчивостью. В 1913 году, в возрасте 8 лет, он увлекся Балканской войной и тщательно переставлял флажки на карте в атласе. Он прочитывал все, что попадалось ему под руку, после того, как гувернантка научила его читать в возрасте четырех лет. Его восхищала «Песня о нибелунгах». Он прочел ее раз, затем перечел в варианте для взрослых. Он стал представлять себя Зигфридом, освобождающим Брунгильду из огненной тюрьмы. Потом он познакомился с музыкой Вагнера, которую мать играла ему на пианино. Сумел спеть «Проклятие золоту» – это навсегда осталось в его памяти. Он приобщил Клауса к своим рыцарским мечтаниям. Да так сильно, что в возрасте четырех лет младший ребенок заявил, что хочет стать героем и это единственное, что его интересует. Он бросился наперерез лошадям, чтобы доказать, что не испытывает страха. И это не было фантазией восторженного ребенка. Когда в 1914 году ему удаляли гланды, он вызвал восхищение медперсонала клиники. Он не издал ни единой жалобы, ни единого стона. Просто сказал, едва улыбувшись: «Я вел себя героически. Поэтому, когда я вырасту, смогу воевать, как солдат». Клаус был отъявленным сорвиголовой, заводилой.

В возрасте пяти лет, когда Ее Величество явилась в *старый замок*, чтобы выпить чаю, он отвесил ей безупречный поклон, но его поцелуй руки оказался несколько неожиданным... Он укусил королевскую ладонь до крови! Выросшая при дворе в тени камергеров и под закрытой короной¹⁰, королева для него была всего лишь бабушкой, пусть и чуть более торжественной.

В 1913 году закончилось обучение с домашними преподавателями. Клаус поступил в класс, специально организованный для пяти отпрысков семей высшего света. Наконец-то он

⁹ Начало известной баллады Гете «Король Ольхи»: «– Кто этот всадник, что из дома прочь Несется через лес в столь поздний час. Под ветра вой, когда закат погас? – Отец свое дитя увозит в ночь.»

¹⁰ Закрытые короны характерны для домов суверенных правителей, а вот другие короны являются открытыми: корона барона, корона графа.

мог соперничать со старшими братьями, которые уже целый год посещали лицей Людвига-Эберхарда в Штутгарте. Начиная с этого возраста он всегда стремился быть первым.

А во всем остальном жизнь протекала довольно мирно в окрестностях Штутгарта, Лаутлингена и имений друзей. Он все еще играл с кузенами, полдничал на ферме, дрался с мальчишками, а затем возвращался в салон для последнего поклона и поцелуя матери в лоб.

Год 1914-й: и распахнулись врата ада

Блаженство молодых Штауффенбергов было тем более полным, что они испытывали чувство принадлежности к одному из самых великих народов земли, принадлежности к Германской империи, которую кропотливо возвел Бисмарк и об учреждении которой было провозглашено в Зеркальной галерее Версаля в 1871 году. Они были воспитаны на патриотической литературе, на книгах для детей, прославлявших древних германских героев. Вильгельм II представлялся им новым Карлом Великим, новым Фридрихом Барбароссой, новым Фридрихом II Хогенштауфеном. Перед их взорами проходили величественные картины: херуск Арминий, разгромивший римские легионы в Тевтонбургском лесу, рыцари Тевтонского ордена во главе с их магистром Германом фон Зальца, победившие боруссцев и заложившие основу современной Пруссии, Король-Сержант, сделавший свое королевство мощной военной державой, Фридрих II Прусский, поднявший свою страну на уровень влиятельнейших королевств континентальной Европы, или безвестные герои Битвы народов под Лейпцигом, которые в 1813 году разгромили Наполеона, проявив вновь обретенную отвагу немецкой нации.

На трибуну национального энтузиазма поднялись также писатели. Разве средневековые *миннезингеры* не воспевали устами Вальтера фон дер Фогельвейде: «Мой император, Господь повелел мне поспешить к вам, чтобы стать его посланцем. Он владеет небом, вы – властелин на земле... Вы являетесь наместником Бога». Сказки для детей тоже не остались в стороне. «*Волшебный рог мальчика*» Клеменса Брентано и Ахима фон Арнима или сказки братьев Гримм восхваляли некое идеальное общество, созданное на земле, подчинение начальству, уважение к старшим, семье, послушание и веру. Уже тогда за шутливым тоном можно было услышать нотки антилиберализма и антисемитизма. Уже тогда торговцы и евреи, объединенные в одну достойную осуждения группу, выставлялись в качестве обманщиков и ростовщиков. Такие романтики, как Хелдерлин, Новалис, Хердер, Тик или Эйхендорф, вели более или менее похожие речи, усиленные колдовством глагола: любовь к земле и к крови, националистическая патетика, прославление военных ценностей, соединение земной империи и империи небесной. По выражению германиста Альбера Бегена в работе «*Романтическая душа и мечта*», Германия стала «тем народом, который мог стать Христом современной истории».

Это лукавое позиционирование было тем более мощным, что реальность, казалось, полностью соответствовала выдумке. К 1914 году население рейха менее чем за сорок лет увеличилось с 39 до 67 миллионов человек, и нация стала самой многочисленной в Европе. Страна начала создавать колониальную империю в Конго, Камеруне, Океании. Она обогнала Францию и стала второй в мире экономической державой после Великобритании. На дипломатической арене она стала неоспоримым стержнем Тройственного союза, объединив под своим крылом Австро-Венгрию и Италию. В военной области страна обладала самой сильной армией на континенте, а ее военно-морской флот начал серьезно конкурировать с флотом Англии. Дети Штауффенбергов, особенно старшие, знали эти цифры. Их увлекала военная сторона дела. Они с энтузиазмом говорили о спуске на воду дредноутов адмирала Тирпица, этой гордости кайзера. Перефразируя фразу Лютера «*Мой Бог – моя крепость*», все говорили: «*Мой рейх – моя крепость*». Как написано в детском альманахе, обнаруженном в фонде Штауффенбергов в Берлине, три крепости, восстановленные императором за большие деньги, стали краеугольными камнями этого вновь обретенного величия. На востоке это был Мариенбург, гнездо Тевтонского ордена, символ «*Похода на восток*», в центре – крепость Вартбург, убежище Лютера, символ крушения могущества римской церкви, на западе, в Эльзасе, – замок-крепость Окенингсбург, символ разгромленной Франции.

Легко можно себе представить, какие соблазны и заблуждения могли внушить подобные мероприятия молодым неокрепшим умам. Восторги от этой *тевтонской фурии* были охла-

ждены родителями Штауффенбергов. Как убежденный католик, Альфред считал Лютера не освободителем, а виновником раскола страны. Он-то знал, что именно Пруссия низвела Вюртемберг до статуса задворок Великой Германии. Хотя там все еще был свой король, но его права были крайне ограниченными. Это скорее походило на выживание. Штутгарт не был Берлином, Вильгельм II Вюртембергский не был Вильгельмом II Прусским. У него не было военного зуда, страсти к блестящим мундирам и шикарным парадам. Он любил свои засаженные виноградом долины Неккара и свой милый город Штутгарт. Об его благодущии ходили легенды. Без всякого эскорта он регулярно прогуливал свою собаку по улицам своей столицы и всегда отвечал на знаки почтения поданных. Он был так популярен, что социалисты из СПГ написали в своей газете в 1916 году: «Во взаимоотношениях между королем и народом нет ни единого облачка [...]. В Вюртемберге, даже если монархия превратится в республику, ничего не изменится». Но монарх не строил никаких иллюзий. Он часто говорил своим близким, в частности Альфреду, что он будет последним из династии, кто правил страной. Очень большой была угроза как со стороны Пруссии, так и со стороны республиканцев. Но граф фон Штауффенберг отказывался смириться с этим. Он надеялся на то, что удастся противостоять духу времени.

Эти тонкости были совершенно не понятны десятилетним мальчишкам. Они предполагали все, что гремит, все, что сверкает, развевающиеся на ветру флаги и тяжелый размер немецких маршей. Это стало видно по их реакции на начало войны. Прекрасным летом 1914 года семейство проводило отпуск в Лаутлингене. Никто не был ничем обеспокоен. Сараево было так далеко. Убийство 28 июня наследного принца Австро-Венгрии Франца-Фердинанда представлялось одной из перипетий в кровавой истории Балкан. В середине июля даже Вильгельм II не верил в возможность начала войны. Он объявил о своем отъезде на курорт. При этом не учитывались дьявольские трения между союзами: Тройственным союзом и Антантой. В конце месяца адский бикфордов шнур был подожжен. После того как Белград отклонил ультиматум Вены и Австрия объявила Сербии войну, Россия провела мобилизацию и заявила о своем намерении разыграть карту славянской солидарности. Альфред фон Штауффенберг сразу же сел в поезд, чтобы присоединиться к королю в Людвигсхафене. Даже несмотря на то, что Вюртемберг препоручил Пруссии представлять интересы на дипломатической арене, двор должен был быть переведен на военное положение. 1 августа Германия объявила всеобщую мобилизацию, 3 августа она объявила войну Франции, а 4-го – Великобритании. Пороховая бочка, на которую стала похожа Европа, была готова взорваться, один блок приготовился пойти на другой.

Каролина не была охвачена патриотической лихорадкой. Совсем наоборот. Она отметила, что в Лаутлингене на улицы вышло множество людей, но энтузиазма на их лицах не читалось вовсе. Женщины плакали. Мужчины переживали за урожай. Это, несомненно, было проявлением мудрости прирейнских жителей: они-то хорошо знали, что такое война и оккупация. «Сколько же несчастий нас ждет в будущем, – написала она. – Все говорят только о расстрелянных шпионах, о мостах через Дунай, которые якобы были заминированы, об аэропланах, летавших над Штутгартом».

Естественно, дети были совсем иного мнения. Они слушали только победные реляции о разгроме русских войск при Танненберге маршалом Гинденбургом 30 августа, об оккупации Бельгии, о том, что французов отбросили за Марну. Возбуждение достигло предела. Клаус был ужасно огорчен тем, что не мог участвовать в войне, пока ему не исполнится восемнадцать лет. Он завидовал своим братьям, которые могли уйти в армию на два года раньше его. И тогда он сделал то, что было в его силах. Он стал молиться за солдат. Его утренняя молитва всегда начиналась словами: «Господи, сделай так, чтобы все наши солдаты вернулись домой, чтобы все раненые выздоровели, чтобы все погибшие попали в рай». Старый замок Штутгарта был частично переоборудован в госпиталь. С тех пор Клауса беспокоило только это. Раненые поражали его своим стоицизмом. Однако смерть бродила рядом. 13 августа 1914 года сын его дяди

Бертольда фон Штауффенберга был сражен пулей в грудь на русском фронте. Битва на Сомме в 1915 году стала роковой для одного из кузенов Шлабрендорфов. В 1917 году Альфред фон Хофаккер, еще один двоюродный брат, погиб на высоте 301. Семейство не испытывало оптимизма. Каролина записала в своем дневнике: «Под Верденом мы погибнем от потери крови».

Но для Клауса, Бертольда и Александра это было все возмраставшей славой, они не обращали внимания на увеличивавшиеся страдания, тем более, что война была далеко и связана с длинными каникулами. Они все больше времени проводили в Лаутлингене. Туда частенько приезжала родня: тетя Ош, двоюродная тетка Каролины, или дядя Нукс, Альфред фон Юксюль-Гилленбанд, веселый вояка, привозивший с собой аромат венской легкомысленности. Офицер Генерального штаба, заместитель военного атташе при Великой Порте. Рассказанные им истории походили на восточные сказки. Те, кто приезжал с фронтов, привозили эпическое вдохновение и запах пороха. Для подростков эта война была жизнью с острым прикусом приключений, далекой от грязи, крови и бесчисленных страданий.

Кормилица-англичанка, мисс Бэрри, стала жертвой повышенной шпиономании. Она больше не могла выходить на улицу из-за своего сильно выраженного заморского акцента. В 1916 году ей пришлось уехать под насмешки мальчиков. Вскоре после этого лицей Людвиг-Эберхард был закрыт и превращен в тюрьму. Одна из преподавательниц лицея, фрау Диппер, была направлена в Лаутлинген, где ее приняли с почестями, достойными ее положения. Дети поехали встречать ее на повозке, запряженной ослом. Это была возможность испытать ее. И поэтому они подстегивали ослика. Она приехала вся разбитая. Но ни разу не пожаловалась. Это было неплохо. Дети ее приняли.

Работа шла как обычно, и дни сменяли друг друга. Дети увлеклись музыкой. Клаус стал прекрасным виолончелистом. Они замкнулись в этом узком семейном кругу. Когда началась беспощадная война подлодок, Александр, Бертольд и Клаус решили организовать патриотический концерт в одном из оставшихся не реквизированными залов лицея с благословения Каролины и Альфреда, покоренных такой пылкостью и такой предприимчивостью детей. Концерт имел большой успех. Он позволил собрать 1200 марок в помощь семьям погибших отважных подводников...

Поражает одновременно интеллектуальное любопытство этих молодых людей и продолжавшая проявляться чисто детская шаловливость. Летом 1918 года Клаус в одном из своих писем выразил сожаление о том, что не имел возможности много читать, «поскольку в семействе Юксюль читать не любят и стараются постоянно чем-то заняться». Одновременно он в нем рассказал, как они играли в жандармов и вора и что они намерены были соорудить на дереве в глубине парка хижину: «Мы погрузили в двуколку весь наш скарб. Она несколько раз едва не перевернулась. Нам повезло, что она доехала до места без происшествий. Но ко времени приема чая мы уже сидели в нашем гнездышке». В разгар этих элегических сцен Альфред постоянно напоминал детям об их обязанностях, в частности о христианском милосердии. Поскольку мужчины были на фронте, следовало оказывать помощь их семьям. И вот клан Штауффенбергов вышел в поле. С половины седьмого утра они собирали животных, выгоняли их пастись часто по десять часов в день под палящим солнцем. Но никто из членов семейства на это не жаловался, скорее наоборот. Клаус после этого навсегда сохранил нежные чувства к занятиям сельским хозяйством и к людям, которые работали на земле. Это навсегда осталось его Германией. Чтение сказок братьев Гримм гармонично дополнилось мозолями на руках, полученными от черенков вил. «*Чистые души в чистых телах*» – такими были молодые Штауффенберги, когда ход войны начал грозить обернуться катастрофой для рейха.

Первые предвестники этого уже нарушили покой глубокого тыла: в 1916 году были введены первые ограничения; в 1917 году страна стала испытывать нехватку угля, нарушилось железнодорожное сообщение, стала сказываться морская блокада; в 1918 году начались революционные забастовки, спартаковцы стали выставлять свои требования, Штутгарт подвергся

бомбардировке с воздуха¹¹. События в России ясно показали, что старый порядок жизни не был больше нерушимым. Все начали бояться большевистской угрозы. Но Россия была далеко, а Германия на Восточном фронте побеждала. Разве Ленин проехал из Швейцарии в опломбированном вагоне через всю Германию по распоряжению Генерального штаба не для того, чтобы посеять смуту в стане врага? Не он ли подписал 18 марта 1918 года Брест-Литовский мир, положивший конец боевым действиям на востоке, закрывший второй фронт и обеспечивший рейху солидные территориальные завоевания? Вся военная мощь теперь могла быть сосредоточена на западе против Франции и Англии, к которым присоединились Соединенные Штаты Америки. На первый взгляд ситуация для государств Центральной Европы вновь стала благоприятной. 21 марта фронт союзников был прорван, 5-я британская армия разгромлена. Войска кайзера дошли до Амьена. Каждый месяц предпринималось новое наступление: в апреле во Фландрии, в мае – в Шмен де Дам, в июне – в Пикардии. И всякий раз франко-британские войска отступали, но немцам никак не удавалось одержать решающую победу. Хотя немецкие солдаты и снова могли мыть сапоги в Марне, как это было в 1914 году, форсировать реку им опять не удалось. Несмотря на сменявшие друг друга победные реляции, все это никого не успокаивало. Генеральный штаб начал проявлять озабоченность, тем более что американцы начали поставлять в больших количествах войска и вооружение для того, чтобы вовремя заткнуть дыры, образовавшиеся после ужасного кровопускания в результате германского наступления. У империи уже не было резервов. Победу надо было одержать как можно скорее, или ее одержать не удастся никогда.

Однако для Штауффенбергов ситуация пока не представляла никаких угроз. Их скорее беспокоил внутренний фронт, поскольку они прекрасно знали российский опыт. В августе 1918 года тетка Улла, председатель германского общества Красного Креста, несколько дней провела в Лаутлингене. Она недавно вернулась из Страны Советов, где в течение нескольких месяцев ездила по многим лагерям для военнопленных. То, что она увидела в той стране, привело ее в ужас: массовые расстрелы, голод, первые депортации, гражданская война между красными и белыми. Особенно поразила ее дикая расправа в Москве с одним из ее друзей, графом Мирбахом, убитым без суда и следствия по решению местного совета, хотя у него был дипломатический паспорт¹². Те люди не уважали никого и ничего, даже древние принципы прав человека. Те люди были дикарями. Александр, Бертольд и Клаус с раскрытыми ртами слушали рассказы об этих ужасах. Для них с тех пор понятие зла стало ассоциироваться с красной угрозой.

Больше того, военное положение страны резко ухудшилось. День 8 августа стал «днем траура по немецкой армии». Английские танки прорвали немецкий фронт. Началось отступление. Хотя оно и производилось в организованном порядке, это стало началом конца. Даже слушая ложные официальные сообщения, никто уже не строил иллюзий. 29 сентября от имени Генерального штаба фельдмаршалы Гинденбург и Людендорф сообщили императору о том, что войну выиграть военными силами больше не представляется возможным и что следует начать поиски дипломатического решения. Проще говоря, это означало, что война была проиграна. Они чувствовали, что здание империи трещало по швам от ударов как извне, так и изнутри. Участились забастовки и восстания. Для спасения того, что еще можно было спасти, они потребовали назначения правительства, которое могло бы вступить в контакт с Соединенными Штатами и начать проведение институциональной реформы, направленной на превращение империи в парламентскую монархию. Для этого 3 октября канцлером был назначен князь Макс Баденский. Но было уже слишком поздно.

¹¹ Очень незначительные, было сброшено наугад всего несколько бомб.

¹² Вероятно, автор ошибается: решение о покушении на германского посла было принято ЦК партии эсеров, и Мирбах пал от рук эсеров, работавших в ЧК. – *Прим. пер.*

23 октября американцы отказались вести переговоры, пока не будут реализованы четырнадцать пунктов президента Вильсона: ликвидация монархии, установление демократического режима правления, реализация права народов на самоопределение. 27 октября Германия капитулировала. Император сбежал в Верховную ставку в Спа. В Киле восстала военно-морская эскадра, моряки двинулись на Берлин, по всей стране начали формироваться советы рабочих и крестьян. Они захватывали улицы и заводы. Вильгельм II уехал в Нидерланды и отрекся от престола в пользу принца-наследника. Но все было тщетно. 9 ноября социалист Шейдеман срочным порядком объявил в Берлине о создании республики, чтобы не дать спартаковцу Карлу Либкнехту возможности опередить себя и провозгласить советскую социалистическую республику. 11 ноября было заключено перемирие. Оно было очень суровым по отношению к Германии, потерявшей, в частности, весь левый берег Рейна.

Парадоксально, но уже не в первый раз в истории армии гибнут ради того, чтобы вражеские солдаты не топтали священную землю отчизны. Но политики, а не военные, запросили перемирия. Армия еще готова была сопротивляться, пусть и в течение всего нескольких недель. Звездные иерархи вышли на сцену во всем белом. Они смогли убедительно доказать угрозу революционных событий. Фронт так и не был прорван союзниками. Рухнул именно тыл. Родился миф об ударе кинжалом в спину... Он продолжил отравлять политическую жизнь Германии в течение последовавших двадцати пяти лет, тем более что внешне все говорило в его пользу.

В Штутгарте все думали примерно так же. Последние месяцы 1918 года стали кошмарным сном. В начале октября все уже заговорили о мире. Умеренность стала уже не модной. В своих записках Дули отметила: «После стольких лет траура, после такого количества пролитой крови мир станет позором». Клаус был потрясен. Он рыдал. Однажды вечером он заявил: «Моя Германия не может умереть, и пусть она даже погибнет, но она возродится еще более великой и прекрасной. Бог существует. Он этого не допустит».

Королевству Вюртемберг суждено было пасть вместе с остальной Германией. Вильгельм II не верил в то, что оно смогло бы уцелеть. В обстановке всеобщей катастрофы его единственной заботой было избежать кровопролития. Он решил, что история сделала крутой поворот, что время монархий прошло. 2 ноября, несмотря на гнев Альфреда, он отказался последовать совету своих адъютантов установить пулеметы в окнах дворца, чтобы не допустить в него революционеров. Из старого замка Штауффенбергам было все прекрасно видно. «Перед дворцом, – написала графиня фон Штауффенберг, – послышался сильный шум, словно рычание. Толпа ревела, раздавались гневные речи». 8 ноября генерал-губернатор дал понять, что не может больше отвечать за поведение своих войск. 9 ноября комитеты рабочих и солдат во главе с красногвардейцами штурмом взяли дворец. Король незадолго до этого объявил о созыве конституционной ассамблеи для того, чтобы «на фоне глубокого отчаяния перед угрозой голода и иностранной оккупации наш народ смог быть защищен и высказался по поводу желаемой им формы правления». Напрасный труд. Под окнами старого замка шатались опьяневшие от злости женщины с растрепанными волосами, расхристанные мужчины, размахивавшие красными флагами или черными знаменами анархистов, солдаты в рваных мундирах с оружием в руках. Королевская гвардия сложила оружие безо всякой попытки оказать сопротивление. Сановники разбежались в поисках убежища. В 11 часов над дворцом был водружен красный флаг. Флаг королевства Вюртембергского, «золотой фон с тремя полуветвями в венке», канул в Лету. Чернь заполнила коридоры дворца. В нем оставались только самые преданные люди, в первых рядах которых был Альфред. Будучи до конца предан своему господину, он при поддержке придворного врача и канцлера фон Нейрата смог помешать разъяренным людям трогать короля. В обстановке, ставшей еще истеричнее из-за отчаянно вывших гудков заводов и из-за начавшейся всеобщей стачки, звонков трамваев, которые не могли проехать по забитым народом улицам, королю все же удалось покинуть дворец на двух больших каретах. До траге-

дии, которая случилась в доме Ипатьева, дело пока не дошло. Но кортеж был осыпан оскорблениями и плевками. Несколько близких королю людей сопровождали его в изгнание. Среди них был и обер-гофмейстер граф фон Штауффенберг. Свиту короля составляли также первый адъютант майор фон Ром и военный министр генерал фон Гравениц. Было видно, как подлинной седой бороде монарха текли слезы. Он вел себя очень благородно. Просто сказал: «Я не сержусь, но обидно уезжать таким вот образом, когда вся армия меня предала». Ночью экипаж въехал в ворота замка Бебенсхаузен. Король был спасен. Как позже сказал наследный принц, «обер-гофмейстер был единственным, кто не потерял голову в эти минуты страданий. Он был самым надежным».

Клаус от всего этого пришел в отчаяние. Он не понимал, почему власть сдалась черни без борьбы. 15 ноября он отказался от празднования своего дня рождения. Когда все кругом рушилось, он не хотел ничего праздновать. А матери сказал, что это был «самый грустный в его жизни день рождения». Ему было всего 11 лет. Он только что увидел конец мира. Но это было только начало.

Красная опасность

На глазах убитого горем сына Альфред развил бурную деятельность. Он получил неограниченные полномочия от Вильгельма II на проведение переговоров с Вюртембергской республикой по поводу отречения короля. Тот согласился отказаться от трона и своих имений в Штутгарте и Людвигсбурге при условии, что его супруге будет выплачиваться рента в 100 000 марок, что ему оставят его личное состояние и что земли дворянства не будут экспроприированы. У нового правительства голова была занята другим, и ему не хотелось озлоблять крестьян, которые по большей части были арендаторами крупных аристократических поместий и которым не понравилось бы, чтобы их хозяев, к которым они уже привыкли, сменили новые владельцы. Граф фон Штауффенберг очень умело провел эти переговоры. 30 ноября дело было сделано. Король официально отказался от трона, сохранил свое имущество, аристократия тоже ничего не потеряла. Они просто стали подчиняться общему праву, отказавшись от привилегированного положения.

Эти события не могли скрыть растущего страха имущего класса. В Берлине власть находилась в руках реформаторов из СПГ во главе с Фридрихом Эбертом. Совет народных комиссаров назначил выборы в Учредительное собрание на 19 января. Эберт хотел основать правовое государство, *рехтсштат*, а вовсе не социалистическую республику. Придерживаясь марксистских взглядов, он отнюдь не верил в светлое будущее и не желал кровавых разборок. Но так думали далеко не все. Левое крыло СПГ составляли независимые социалисты из НСПГ, а также спартаковцы, руководимые Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Они опасались того, что у них украдут их победу. В конце декабря революционные матросы из *Фольксмарине* (народный флот) отказались покинуть королевский замок и конюшни в Берлине. Хуже того, они там закрепились, а также заняли общественные здания, управление полиции, радио. 6 января восстание спартаковцев достигло своего апогея. Вопрос стоял ни более ни менее, сообщал печатный орган этого движения газета «Красное знамя», как о «передаче всей власти советам рабочих и солдат, которые каждые три месяца будут переизбирать своих депутатов в центральный комитет». Остаткам старой императорской армии с помощью добровольцев удалось подавить революцию. Кровь была пролита обеими сторонами. С пленных офицеров срывали обмундирование, их линчевали перед Брандбургскими воротами. Со своей стороны, и силы правопорядка потеряли контроль над собой. 15 января 1919 года Роза Люксембург и Карл Либкнехт были убиты. В Берлине был восстановлен порядок. Но какой ценой? Ценой десятков погибших! Ценой зарождения дикой взаимной ненависти между социал-демократами и коммунистами, которые стали называть своих политических оппонентов «социал-предателями». Этой ненависти суждено было иметь очень тяжелые последствия! Что же касалось большинства населения, то у людей остался стойкий страх перед большевистской угрозой, замешанный на чувстве антисемитизма в связи с тем, что многие из бунтарей были евреями. Тревога была тем более сильна, что, казалось, добрая половина Германии была охвачена огнем. В Дюссельдорфе была разоружена полиция, в Бремене Совет рабочих и солдат провозгласил Социалистическую республику, в Гамбурге деловые кварталы города подверглись грабежу, бургомистр Дюссельдорфа был взят под стражу, в земле Рейн-Вестфалия было объявлено о национализации шахт, в Вильгельмсхавене восстали военные моряки.

Отголоски событий в Берлине и происшествий в провинциях до Штутгарта довольно быстро. Все были охвачены страхом. Хотя говорить о спартаковском восстании в Вюртемберге не приходилось, но тем не менее волнения там усиливались. В январе 1919 года Каролина фон Штауффенберг тщательно отметила в своих воспоминаниях: перестрелки на улицах, всеобщая забастовка, отключения электричества. Печатные станки издательств газет контролировались агитаторами. Буржуазная пресса прекратила свое существование. Дули рас-

сказала о «туманных ночах, наполненных выстрелами и короткими командами». Она добавила к этому, что неразумно было «выходить в город прилично одетыми». В конце января семья решила уехать в деревню из опасения ухудшения обстановки в городе.

Тревожно было и в Баварии, где находилось одно из имений семьи Штауффенберг. Курт Айснер, глава временного революционного правительства спартаковской направленности, произносил все больше зажигательных речей. 21 февраля он был убит графом Арко-Цинбергом, опасавшимся большевизации старого католического консервативного государства. Это стало катализатором усиления боевых действий. Ландтаг не смог собраться на заседание. Рабоче-крестьянский совет объявил об учреждении диктатуры пролетариата, о вооружении советов, о введении цензуры и о захвате пятидесяти заложников. В их число попал дальний родственник Клеменс фон Штауффенберг. Бавария была охвачена ужасом. Каролина написала: «Наступило время избиения аристократов». Так и оставшийся сорвиголовой, дядя Нукс присутствовал на нескольких митингах спартаковцев. Он рассказал о них ужасные вещи: «Гнев пролетариата кажется огромным. Это – опустошительная волна, которая сметет все». Однажды, поскольку его заметили, ему пришлось бежать. 7 апреля была образована Баварская советская республика. Она объявила об отделении от рейха. Законное баварское правительство скрылось в Бамберге. Вместе с армией и добровольческим корпусом «Оберланд»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.